

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»

город Санкт-Петербург

13 февраля 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием директора ООО «ПАГ» Н.С.Подольского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В.Касаевой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук П.А.Кучеренко, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «ПАГ». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г.А.Гаджиева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Федеральной антимонопольной службы – С.А.Пузыревского, от Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей – А.В.Семенова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу ООО «ПАГ» оспаривает конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

пункта 4 статьи 1252, согласно которому в случае, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство, такие материальные носители считаются контрафактными и по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то

ни было компенсации, если иные последствия не предусмотрены данным Кодексом;

статьи 1487, в силу которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, введенных в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия;

ряда положений статьи 1515, устанавливающих, что товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными; правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещены незаконно используемый товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение (пункт 1); в тех случаях, когда введение таких товаров в оборот необходимо в общественных интересах, правообладатель вправе требовать удаления за счет нарушителя с контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров незаконно используемого товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения (пункт 2); правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения; в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака (пункт 4).

1.1. Как следует из представленных материалов, ООО «ПАГ» заключило государственный контракт на поставку в государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Черняховская центральная районная больница» партии медицинских товаров производства компании «Sony Corporation» (Япония). Соответствующие товары (60 рулонов

термочувствительной бумаги для медицинских регистрирующих приборов) были приобретены обществом у компании «MEDITECH Sp. z o.o.» (Польша) и ввезены на территорию Российской Федерации.

Решением Арбитражного суда Калининградской области от 24 февраля 2015 года были удовлетворены иски компании «Sony Corporation» к ООО «ПАГ» о защите исключительного права на товарный знак «SONY», а именно: ответчику запрещено без разрешения истца осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также хранение с этой целью товаров, указанных в поданной им таможенной декларации, на упаковке которых (на которых) размещен товарный знак «SONY», и использовать данный товарный знак в отношении товаров, для которых он зарегистрирован, в том числе осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение таких товаров в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также их перевозку или хранение с этой целью. Товары, ввезенные ответчиком на территорию Российской Федерации по указанной таможенной декларации, на упаковке которых (на которых) размещен товарный знак «SONY», были изъяты из оборота и уничтожены за счет ответчика, а в качестве компенсации за нарушение исключительного права на данный товарный знак с него взыскано в пользу истца 100 000 руб. Встречный иск ООО «ПАГ» о признании ввоза товаров несостоявшимся оставлен без удовлетворения.

Принимая данное решение, арбитражный суд первой инстанции исходил из следующего: введение товара в гражданский оборот на территории Российской Федерации третьим лицом без согласия правообладателя является нарушением исключительного права на товарный знак независимо от того, что соответствующий товар ранее был введен в гражданский оборот на территории иного государства; при этом под моментом введения товара в гражданский оборот на территории Российской Федерации понимается подача таможенной декларации с заявлением данного товара к таможенным режимам, предполагающим его использование в

гражданском обороте на территории Российской Федерации. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд согласился с приведенными доводами и, отметив, что при определении соразмерной величины компенсации Арбитражный суд Калининградской области учитывал характер допущенного ответчиком нарушения, оставил его решение без изменения (постановление от 2 июля 2015 года).

Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 1 декабря 2015 года судебные акты арбитражных судов первой и апелляционной инстанций были отменены в части запрета ответчику в будущем без разрешения истца использовать товарный знак в отношении товаров, для которых он был зарегистрирован, в том числе осуществлять их ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также перевозку или хранение с этой целью; в удовлетворении требований истца в данной части было отказано, в остальной части указанные судебные акты оставлены без изменения. При этом Суд по интеллектуальным правам отметил, что перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации и подача таможенной декларации и (или) иных документов, необходимых для помещения товаров под таможенную процедуру (в том числе предусматривающую ограничения в пользовании и распоряжении ввезенным товаром), могут составлять самостоятельное нарушение исключительного права на товарный знак вне зависимости от факта введения маркированных им товаров в гражданский оборот.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2016 года ООО «ПАГ» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

1.2. По мнению ООО «ПАГ», примененные в его деле положения Гражданского кодекса Российской Федерации противоречат статьям 1, 7, 17–19, 35 и 55 Конституции Российской Федерации и нарушают конституционные принципы правовой определенности и справедливости в

той мере, в какой эти положения в их истолковании судами допускают отнесение к контрафактным товаров с законно размещенным на них товарным знаком, произведенных, маркированных и проданных самим правообладателем или с его согласия за пределами Российской Федерации; позволяют применять в качестве мер гражданско-правовой ответственности изъятие из оборота и уничтожение таких товаров, еще не введенных в оборот (в частности, не выпущенных в свободное обращение таможенными органами), применять указанные санкции, а также взыскание компенсации в отношении таких товаров, притом что они не содержат объективных признаков угрозы публичным интересам, а их оборот не посягает на публичный порядок; применять одинаковые санкции в отношении подделок, маркированных товарным знаком без согласия правообладателя, и в отношении оригинальных товаров; не предполагают учета стоимости таких товаров при определении размера подлежащей взысканию компенсации; допускают применение указанных санкций при отсутствии установленной законом цели охраны исключительного права на товарный знак, т.е. при отсутствии угрозы смешения размещенных на товарах обозначений и введения в заблуждение потребителей.

Этими и другими приведенными заявителем доводами, по существу, обосновывается неконституционность закрепленного в статье 1487 ГК Российской Федерации национального принципа исчерпания прав, как создающего, по его мнению, препятствия для так называемого параллельного импорта, а также приводящего – во взаимосвязи с пунктом 4 статьи 1252 и пунктами 1, 2 и 4 статьи 1515 данного Кодекса – к отождествлению юридических последствий нарушения указанного принципа и мер ответственности за ввоз поддельной продукции.

1.3. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе объединения граждан конституционность закона или отдельных его положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на

нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Как следует из представленных материалов, подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в деле ООО «ПАГ» не применялся, а потому в этой части его жалоба не является допустимой, а производство по ней в силу требований статей 43 и 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации – в той мере, в какой на основании этих положений разрешается вопрос о привлечении к ответственности лица за нарушение исключительного права на товарный знак посредством ввоза соответствующих товаров на территорию Российской Федерации без согласия обладателя данного исключительного права для их введения в гражданский оборот.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34); право частной собственности охраняется законом (статья 35, часть 1); каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1);

каждому гарантируется свобода научного, технического и других видов творчества; интеллектуальная собственность охраняется законом (статья 44, часть 1); установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, правовое регулирование интеллектуальной собственности относятся к ведению Российской Федерации (статья 71, пункты «ж», «о»).

Закрепление в числе основ конституционного строя России единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности (статья 8, часть 1, Конституции Российской Федерации) предполагает, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников (Постановление от 21 апреля 2003 года № 6-П).

Вместе с тем Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3), а также возможность ограничения перемещения товаров и услуг, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (статья 74, часть 2). Однако, как следует из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с предписаниями ее статей 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2), такие ограничения, в том числе связанные с реализацией прав на средства индивидуализации при перемещении товаров и услуг, должны носить соразмерный характер.

В силу также вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства и справедливости, на основе которых осуществляется регулирование и государственная, в том числе судебная, защита прав и законных интересов

(частных и публичных) участников рыночного взаимодействия, праву каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности корреспондирует обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает такая деятельность.

Применительно к интеллектуальным правам, включая исключительное право на товарный знак, знак обслуживания, это означает обязанность их обладателя соблюдать общеправовые принципы реализации прав и свобод, в частности добросовестность при их осуществлении и недопустимость злоупотребления ими. Вместе с тем, как и право собственности, интеллектуальные права подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды, в том числе в целях утверждения в Российской Федерации таких конституционно значимых ценностей, как гражданский мир и согласие (преамбула Конституции Российской Федерации).

Соответственно, федеральное законодательство по таким предметам ведения Российской Федерации, как установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, федеральные экономические службы, гражданское законодательство и правовое регулирование интеллектуальной собственности (статья 71, пункты «ж», «о», Конституции Российской Федерации), равно как и основанные на нем правоприменительные, включая судебные, акты должны обеспечивать баланс и надлежащую защиту прав и деловой репутации обладателя исключительного права на товарный знак, знак обслуживания, с одной стороны, и прав импортеров и приобретателей товаров, на которых он размещен, – с другой.

3. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации индивидуализация товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей в гражданском обороте обеспечивается, в частности, путем признания исключительного права на товарный знак (пункт 1 статьи 1477); лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования

товарного знака любым не противоречащим закону способом (пункт 1 статьи 1484).

Товары иностранного производства, на которых их производителем размещены товарные знаки, могут быть правомерно приобретены вне пределов Российской Федерации и впоследствии перемещаться через ее границу. Фактически на территорию Российской Федерации такие товары могут поставляться как самим производителем либо иным хозяйствующим субъектом по согласованию с ним, так и хозяйствующим субъектом без согласования с производителем или с выбранными им официальными дистрибьюторами, т.е. в порядке параллельного импорта. В таких случаях баланс и защита прав и законных интересов производителей как обладателей исключительного права на товарный знак и их официальных дистрибьюторов, с одной стороны, и импортеров и потребителей – с другой, достигается посредством нормативно-правового регулирования и на его основе – в случае спора – обеспечивается правосудием.

В целях учета указанных конкурирующих прав и интересов в их сопряжении законодательство многих стран использует принцип исчерпания прав (первой продажи или введения в оборот), означающий, по общему правилу, ограничение действия исключительного права на товарный знак, т.е. свободный оборот товаров, если они на законных основаниях уже введены в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. При этом возможность импорта продукции независимо от согласия производителя товара или его официального дистрибьютора (параллельный импорт) во многом зависит от того, какой вид (режим) исчерпания прав установлен в правовой системе того государства, на территорию которого ввозится соответствующая продукция, – национальный, региональный или международный.

Национальное исчерпание прав означает, что на территории определенного государства исключительное право на размещенный правообладателем на конкретном товаре товарный знак, подлежащее правовой охране на территории данного государства, исчерпывается с

момента первого введения товара в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия на территории данного государства. Региональное исчерпание прав предполагает исчерпание правообладателем исключительного права на товарный знак в рамках таможенной территории нескольких государств. При международном исчерпании прав исключительное право на товарный знак признается исчерпанным по отношению к конкретному товару с момента его первого введения в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия на территории любого государства.

В статье 6 Соглашения Всемирной торговой организации по торговым аспектам права интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 года, обязательного для всех государств – участников ВТО, оговаривается, что данное Соглашение не затрагивает вопросы исчерпания прав интеллектуальной собственности. Таким образом, решение этих вопросов передается на усмотрение самих государств-участников, к числу которых относится и Россия.

В свою очередь, Конституция Российской Федерации, как следует из ее статей 71 (пункты «е», «ж», «л») и 74 (часть 2), не предопределяет правомерность и предпочтительность какого-либо конкретного режима исчерпания прав, оставляя решение этого вопроса на усмотрение федерального законодателя, уполномоченного на установление основ федеральной экономической политики, включая внешнеэкономические отношения Российской Федерации, исходя из конституционной обязанности защищать национальные экономические интересы, права и законные интересы граждан и иных участников гражданского оборота, в том числе в сфере предпринимательства. Обеспечение же проведения в Российской Федерации единой экономической политики Конституция Российской Федерации возлагает на Правительство Российской Федерации (статья 114).

4. Статья 1487 «Исчерпание исключительного права на товарный знак» ГК Российской Федерации, согласно которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного

знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия, предусматривает тем самым национальный режим исчерпания исключительного права на товарный знак.

Поскольку установление того или иного режима исчерпания прав, по смыслу статей 71 (пункты «е», «ж», «л») и 74 (часть 2) Конституции Российской Федерации, является дискрецией федерального законодателя, названное законоположение само по себе не может рассматриваться как несовместимое с ее требованиями. Вместе с тем следует учитывать, что статья 1487 ГК Российской Федерации действует в контексте принципов и норм Конституции Российской Федерации и в системной связи с другими положениями гражданского законодательства.

В силу Конституции Российской Федерации, участвуя в межгосударственных объединениях, Россия может передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, участником которых она является, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам ее конституционного строя (статья 79); международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (статья 15, часть 4).

В настоящее время для Российской Федерации являются обязательными, в частности, Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в городе Астане 29 мая 2014 года (с последующими изменениями и дополнениями), и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Договор о котором подписан в городе Москве 11 апреля 2017 года.

Согласно приложению № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в

соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия (пункт 16).

Следовательно, для государств – членов ЕАЭС установлен региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Это означает, что те товары с размещенными на них товарными знаками, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации или какого-либо другого государства, входящего в ЕАЭС, непосредственно правообладателем или с его согласия, могут в дальнейшем свободно находиться в обороте на территории всех государств – членов ЕАЭС; импорт же на территорию ЕАЭС из других государств товаров с размещенными на них товарными знаками допускается только с согласия правообладателей этих товарных знаков.

При отсутствии соответствующего закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, предусмотренный приложением № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, действует в Российской Федерации в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации и конкретизирующего ее предписания применительно к гражданскому законодательству пункта 2 статьи 7 данного Кодекса.

Таким образом, статья 1487 ГК Российской Федерации, как закрепляющая в рамках дискреции федерального законодателя национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, подлежит применению во взаимосвязи с международно-правовым регулированием принципа исчерпания прав, включая пункт 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, которым предусматривается исчерпание исключительного права на товарный знак правомерным введением в гражданский оборот товаров непосредственно

правообладателем размещенного на них товарного знака или другими лицами с его согласия на территории любого из государств – членов ЕАЭС.

5. По смыслу статей 8 (часть 1), 17 (часть 3), 34 (часть 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, права и свободы в сфере предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не должны осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц и ставить под угрозу конституционно защищаемые ценности. Как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П, в силу конституционного принципа справедливости, проявляющегося в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность.

Конституционное требование действовать добросовестно и не злоупотреблять своими правами равным образом обращено ко всем участникам гражданских правоотношений. Исходя из этого, Гражданский кодекс Российской Федерации называет в числе основных начал гражданского законодательства следующие: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1); никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1); не допускаются любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке (пункт 1 статьи 10); в случае несоблюдения этих требований суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего

ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (пункт 2 статьи 10).

В свете указанных требований Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им общих положений (по сути, принципов) гражданского законодательства должны интерпретироваться и применяться и нормы, непосредственно определяющие содержание и гарантии прав на объекты интеллектуальной собственности. На необходимость истолкования положений Гражданского кодекса Российской Федерации, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, в системной связи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 данного Кодекса, обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, как разъясняется в его пункте 1, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела, характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

Осуществляя правовое регулирование по таким предметам ведения Российской Федерации, как установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, федеральные экономические службы, гражданское законодательство и правовое регулирование интеллектуальной собственности (статья 71, пункты «ж», «о», Конституции Российской Федерации), федеральный законодатель призван исходить из необходимости соблюдения баланса конституционно значимых для сферы рыночных отношений ценностей – экономической безопасности, свободы предпринимательства, охраны прав потребителей и деловой репутации производителей товаров (работ, услуг) путем предоставления участникам гражданского оборота эффективной государственной, в том числе судебной,

защиты нарушенных прав и свобод, обеспечивая тем самым определенность и устойчивость вводимого им правового регулирования и способствуя развитию экономики. В свою очередь, правоприменители, прежде всего суды, обязаны применять положения законодательства об интеллектуальной собственности не только исходя из их системной связи с основными положениями гражданского законодательства, но и в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов – частных и публичных (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Данная правовая позиция полностью распространяется на судебную защиту лиц, обладающих исключительным правом на товарный знак, которая должна осуществляться с учетом прав и законных интересов других лиц, в том числе при рассмотрении вопроса о допустимости параллельного импорта. Соответственно, спор правообладателя товарного знака с импортером товаров, на которых он размещен, должен разрешаться на основе указанных принципов и требований при оценке интересов сторон, как частных, так и публичных.

Исходя из этого, положения антимонопольного законодательства, в частности статья 10 «Запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением» Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», согласно которой установленные в ней требования не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации продукции, работ или услуг (часть 4), не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов

обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться, поскольку осуществление субъективных прав в противоречии с их назначением или с публичными целями, охраняемыми гражданским правом, влечет отказ в правовой защите.

Действия правообладателя, недобросовестно использующего – в нарушение требований Конституции Российской Федерации и основных начал гражданского законодательства – механизм национального (регионального) исчерпания исключительного права на товарный знак, в частности ограничивающего ввоз на внутренний рынок Российской Федерации конкретных товаров или реализующего ценовую политику, состоящую в завышении цен на российском рынке по сравнению с другими рынками в большей степени, чем это характерно для обычной экономической деятельности и для удовлетворения разумного экономического интереса правообладателя, не могут расцениваться как одобряемые с точки зрения защиты конституционно значимых ценностей, если такие действия приводят к ограничению доступа российских потребителей к соответствующим товарам, прежде всего тем, наличие которых на внутреннем рынке является жизненно важной необходимостью (например, отдельные категории лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т.д.). Особую опасность такого рода действия могут приобретать для имеющих существенное значение публичных интересов в связи с применением каким-либо государством установленных вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, санкций против России, ее хозяйствующих субъектов, следование режиму которых со стороны правообладателя товарного знака, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение.

По смыслу законоположений, являющихся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, в их взаимосвязи с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации и в контексте требований статей 8 (часть 1), 17 (часть 3), 34 (часть 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, если правообладатель, обратившийся в суд на основании статьи 1487 ГК Российской Федерации с требованием применить в отношении лица, осуществившего без его согласия ввоз на территорию Российской Федерации конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, последствия, предусмотренные пунктом 4 статьи 1252, пунктом 2 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 данного Кодекса, осуществляет свое исключительное право на товарный знак в противоречии с вытекающим из Конституции Российской Федерации гражданско-правовым принципом добросовестности, нарушая конституционно защищаемые ценности, то в таком случае должны быть использованы гражданско-правовые институты противодействия злоупотреблению правом, что предполагает правомочие суда отказать в иске либо снизить размер неблагоприятных последствий для другой стороны спора.

Таким образом, положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не могут – в системной связи с конституционными предписаниями и с иными положениями данного Кодекса – рассматриваться как допускающие в судебной практике защиту интересов лица, которому принадлежит исключительное право на товарный знак (правообладателя), без оценки добросовестности его поведения в связи с реализацией этого права и без учета того, не может ли применение по требованию правообладателя последствий ввоза на территорию Российской Федерации без его согласия определенной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в случае недобросовестного поведения

правообладателя создать угрозу для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан, охраны природы и культурных ценностей, других публично значимых и конституционно защищаемых интересов. Иное противоречило бы статьям 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку вело бы к нарушению охраняемых ею ценностей, что недопустимо.

Соответственно, не исключается правомочие суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а также пунктов 3 и 4 статьи 1, пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию этих последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов.

Федеральный законодатель – с учетом требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – правомочен внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на обеспечение доступа на российский рынок товаров (групп товаров) адекватной стоимости, исходя из их важности для жизни и здоровья граждан, иных конституционно значимых публичных интересов, а также на конкретизацию действия национального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в сочетании с региональным принципом, закрепленным пунктом 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. При этом выбор принципа исчерпания исключительного права на товарный знак (с учетом положений международных договоров, в том числе пункта 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе), равно как и выбор позиции

относительно параллельного импорта остаются прерогативой федерального законодателя.

б. Введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации без согласия лица, которому принадлежит исключительное право на товарный знак, товаров, на которых размещен этот товарный знак, влечет применение в отношении нарушителя определенных мер воздействия (ответственности). В частности, правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения контрафактных товаров за счет нарушителя, а также требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения (пункты 1 и 2 и подпункт 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации).

Осуществляя правовое регулирование ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности (статья 71, пункт «о», Конституции Российской Федерации), федеральный законодатель в пределах своих полномочий вправе устанавливать и изменять меры ответственности, в том числе их вид и размер, будучи вместе с тем связан предписаниями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которые во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 19, 34 и 35 применительно к праву частной собственности, свободе экономической деятельности допускают возможность их ограничений федеральным законом, если такие ограничения базируются на общих принципах права, отвечают требованиям равенства и справедливости, являются адекватными, соразмерными конституционно значимым целям и ценностям и необходимы для их защиты.

Имея своим предназначением воспрепятствование злоупотреблению правом, такое правовое регулирование не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания; конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация гражданско-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных

обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения.

Соответственно, в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой ответственности, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивалась их соразмерность совершенному правонарушению, а также соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13 декабря 2016 года № 28-П сформулировал правовую позицию, в силу которой взыскание компенсации за нарушение интеллектуальных прав, будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, является, тем не менее, частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (пункт 1 статьи 1 ГК Российской Федерации), а именно правообладателя и нарушителя его исключительного права на объект интеллектуальной собственности, и в рамках которого защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, т.е. таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Положения пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в целях охраны исключительного права на товарный знак создают для правообладателя преимущества, освобождающие его от бремени доказывания размера причиненного ущерба и наличия вины нарушителя.

Вместе с тем это не освобождает суд, применяющий в конкретном деле нормы, которые ставят одну сторону (правообладателя) при защите своих прав в более выгодное положение, а в отношении другой предусматривают возможность неблагоприятных последствий, от обязанности руководствоваться в рамках предоставленной ему дискреции правовыми критериями баланса конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности правонарушающему деянию. Иное не согласовывалось бы ни с конституционными принципами справедливости и соразмерности, ни с общими началами частного права.

Пункт 1 статьи 1515 ГК Российской Федерации определяет в качестве контрафактных товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. При этом согласно пункту 2 той же статьи правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещены незаконно используемый товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. Во взаимосвязи со статьями 1252, 1484 и 1487 данного Кодекса названные законоположения позволяют относить к контрафактным как поддельную продукцию, так и товар, снабженный законным товарным знаком, но импортированный в Россию без согласия правообладателя.

Этим, однако, не предопределяется возможность применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к импортеру, ввозящему на территорию России поддельные или недоброкачественные товары, и к импортеру, не получившему на ввоз в Россию товара, ранее на законных основаниях выпущенного в оборот в другой стране, согласия правообладателя товарного знака. При ввозе поддельных товаров, маркированных товарным знаком, правообладатель этого товарного знака не только несет убытки в виде упущенной выгоды, которую он мог бы получить от ввоза законно выпущенных товаров, но и претерпевает серьезные репутационные риски, связанные с несоответствием товара ожидаемым характеристикам и требованиям потребителей. Очевидна и разница в степени

угрозы для законного оборота, степени общественной опасности использования потребителями товаров, контрафактных в силу поддельного происхождения, и товаров, признаваемых таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером.

Соответственно, поскольку подпункт 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации прямо предписывает суду определять размер компенсации, на выплату которой вправе рассчитывать обладатель исключительного права на товарный знак, по собственному усмотрению исходя из характера правонарушения, предполагается, что ее конкретный размер должен устанавливаться с учетом того, что при параллельном импорте понесенные правообладателем убытки, по общему правилу, не столь велики, как при ввозе поддельных товаров, маркированных принадлежащим ему товарным знаком.

Во всяком случае, по смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, при применении положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации отсутствуют конституционно-правовые основания для назначения таких мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, как изъятие из оборота и уничтожение товаров, ранее введенных правообладателем в гражданский оборот на территории другого государства и ввезенных на территорию России без его согласия (параллельный импорт), – в отличие от последствий ввоза поддельных товаров, изъятие и уничтожение которых может не производиться лишь в порядке исключения (если введение таких товаров в оборот продиктовано необходимостью защиты общественно значимых интересов). Это означает, что товары, ввезенные на территорию России в порядке параллельного импорта, могут быть изъяты из оборота и уничтожены лишь в случае установления их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, что, однако, не исключает применение иных последствий нарушения исключительного права на товарный знак с

учетом содержащегося в настоящем Постановлении конституционно-правового истолкования положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Следовательно, суды, в том числе специализированный Суд по интеллектуальным правам, рассматривающие в порядке обжалования решений арбитражных судов нижестоящих инстанций дела, связанные с взысканием по искам правообладателей (представляющих их лиц) предусмотренной подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации компенсации, уполномочены – исходя из выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла указанного законоположения – не допускать применения данной меры гражданско-правовой ответственности без учета характера совершенного правонарушения, т.е. в случае ввоза на территорию России без согласия правообладателя товарного знака продукции, на которой товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, не допускать взыскания такой же по размеру компенсации, как при ввозе (реализации) поддельной продукции, если это не повлекло для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от использования товарного знака на поддельной продукции.

Данный подход, основанный на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, применим и к другим последствиям незаконного использования товарного знака (изъятию товара из оборота и его уничтожению без какой бы то ни было компенсации). При этом федеральный законодатель не лишен возможности внести в действующее законодательство изменения, направленные на дифференциацию размера ответственности за незаконное использование товарного знака в зависимости от характера допущенного нарушения исключительного права на товарный знак.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по конституционно-правовому смыслу этих положений:

закрепленный федеральным законодателем в рамках предоставленной ему дискреции национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак применяется во взаимосвязи с регулированием принципа исчерпания прав международными договорами, участником которых является Российская Федерация, в том числе пунктом 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе;

не исключается правомочие суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов; при этом следование правообладателя товарного знака режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение;

не предполагается применение при ввозе на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) мер гражданско-правовой ответственности, как при ввозе поддельного (на котором товарный знак размещен не правообладателем и не с его согласия) товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара;

товары, на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

2. Конституционно-правовой смысл положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Дело общества с ограниченной ответственностью «ПАГ», разрешенное на основании положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежит пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 8-П